

Константин Комаров

Стихотворения

Поэт, литературный критик, литературовед. Родился 15.03.1988 г. в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Как поэт и литературный критик публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Дети Ра» и др. Постоянный участник Форума молодых писателей «Липки» (2010-2022). Автор нескольких книг стихов и сборников литературно-критических статей. Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Русского ПЕН-центра. Победитель «Филатов-феста» – 2020. Лауреат премии «Восхождение» (2021). Финалист литературных премий «Дебют» (2013, 2014), «Лицей» (2018, 2021), «Новый звук», «Белла», Премии им. Бажова и др. Лауреат премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы».

* * *

Претензия на званье
названья или пенья,
как после отпеванья
тупое отупенье.

Его бы суть постичь, но
бунтует смертью тело:
не столь оно пластично,
сколь одеревенело.

Но начерно исписан
лист, чистый, словно утро –
то философским флисом,
то музыкой мазутной.

И лёд бликует слёзный –
прозрачен и забавен –
что вновь отгрыз от грёз ты
фонемными зубами.

И из-под пальцев пыльных,
как будто бы живые,

сползают волн чернильных
воланы кружевные.

От вечности до часа
свет перемешан слепо.
И волос Волопаса
прорезывает небо.

* * *

Дождь в себя нацелен,
как глубокий сон.
На стекле мицелий
влажно разветвлён.

Серый крик оружий
неуместен здесь,
где запас оружи-
я исчерпан весь.

И клокочет, пенной
радостью пьяна,
мимо тайн военных –
тайная война.

На вокзале бомжи
глядят синеву.
Все мы – дети Божьи
у небес во рву.

* * *

Закончились цветные фильмы,
очёрнобелились цветы.
Забиты речевые фильтры,
остались рифмы немоты.

И даже поднебесных башен
слоновая сточилась кость.
По френду френд постом фигашит,
гоня праведную злость.

Ведь в пламени не ищут брода,
в нём разорвётся, как снаряд,
и тот, кто вышел из народа,
и тот, кого увёл наряд.

Не с теми я... И те не с теми.
Но сколь щеками ни алей –
не станешь двойкою в системе
из единичек и нулей.

Не прозвенит стихотворенье
иерихонскою трубой,
но даст возможность примиренья –
в себе самом с самим собой.

Курю в пространство. Жду икарус.
Тщете унынья не сдаюсь.

От Пушкина – не отрекаюсь.
С любимыми – не расстаюсь.

* * *

Размягченье духа,
сонная труха,
слушаю вполуха
шорох лопуха.

Сочная клубника
деревенских дней,
времени глубинка,
дымный клуб над ней.

Слой сырой сирени,
звучный Карамзин,
памяти смиренья –
серый керамзит.

Воздух странный, струнный
нетяжёлый рок,

солнечные струи –
обморок-оброк.

Огородик, речка,
горделивый гром –
всё для человечка,
малого, как гном.

Но не вспомнит даже
этот человек
всё, что в том пейзаже
сгнуло навек,

хоть вторые сутки
ходит, полон ей –
грустью старой утки
в новой полынье.

---

*Старая Утка – деревня в Свердловской области,
куда я в детстве часто ездил на лето

* * *

Чайный гриб скрыт по битым пиалам,
как патроны в нутре калаша.
Белым паром да чёрным пиаром
безуспешно исходит душа.

По витринам ветрятся продукты,
утверждая свой статус нагой,
светят в день фонари, как придурки,
с риторичным вопросом: на кой?

Ведь и так солнце режет столь ярко,
что сетчатке совсем не окей,
и солярная льётся солярка,
чтоб лакал ты её, как лакей.

И, прорвав поднебесное пузо,
через дырочки солнечных пор
из мазута восходит медуза,
как опара хлеща, без опор.

И дальнейший расклад здесь несложен
этих потных мертвеющих глин,
вот и лужи, как в смертное ложе,
в измождённый асфальт залегли.

Вот такие пузырятся бредни,
походи их ещё, подолдонь
и провалишься в обморок бледный –
подольдомподольдомподольдом...

* * *

В мозг – шлюхою из торта –
выпрыгивает шок.
История истёрта
в яичный порошок.

Потом они запьют и
разложат вмиг мангал,
а кто кого запутал
и даже – запугал

И бесится тальянка
различных новостей,
они, как итальянка,
исполнены страстей.

известно только року,
поэтому пока
сложу я из судоку
фигурку судака.

Сплошной нервозный окрик,
что рвётся из сетей,
коверкает коворкинг
затрёпанных людей.

Оно спокойней как-то.
А собеседник мне –
зелёный нежный кактус,
цветущий на окне.

* * *

Нервирую сферу,
но букве не вру –
бросаю на веру,
на ветер беру.

Плацдарм для плацебо –
глотание слёз,
направлены в небо
обрезы берёз.

Но вечность густая
всё выцедит в прах,
усатый, усталый
грядёт Мономах.

Нежданный, безбожный,
как тот полицей,
и так ненадёжно
его порицать.

Свистят конкуренты,
мерцает неон,
он будет конкретным,
но это – не он.

Пока что картина
сия далека,

и в платье плотины
одета река.

Бесплатный и серый
донашивай век-с:
днём – бешеный ксерокс,
а вечером – секс.

Разглаживай ночью
себя по чуть-чуть,
чтоб платина почвы
не выела грудь.

Хлебай из канистры
волшебный бензин
и монстров-министров
собой не грузи.

Приникни хоть к липе,
но будь же готов
стать строчкою в клипе
на песню без слов.

Приветствуй свой Липецк.
Давай. Добрых снов.

* * *

До свиданья, сновиденья,
завершился ваш полёт,
утро нового рожденья
сингл снега отпоёт.

Зрения глоток волшебен
с блюдца милого лица,
тихий щебет, словно щепень,
перекатывается.

Перспективой чёткой выслан
путь мой, чуткий, как радар –
пристальный, иконописный,
заставляющий рыдать

Мягким светом залитое,
розовый презрев развал,
слёз болото золотое
ждёт, чтоб я его назвал.

Стул – прибежище костра, но
он встаёт из-за стола,
и вселенна – как ни странно –
хороша и весела.

И, пробравшись, как мышонок,
сквозь пустую пустоту,
голос, лишнего лишённый –
говорит начистоту.

* * *

Расчерчено поле полёта
и облачный светел венец,
но тянет тяжёлое что-то,
свинеет в сетчатке свинец.

И вдох – суетливый, авральный,
сырой, как невыжатый сон,
травмирован звоном трамвайным
и рельс полотном оплотнён.

Мерцает изменчивый климат,
себя сообщая, как тост,
и зренье срывается с Климта –
к голодным голландцам на холст.

Прощаются без упрощенья,
вибраций безмолвной резьбы

фонемы и катятся в щели
трухлявой трахейной избы

И как переходящий калика,
каёмку небес серебря,
луна молодая двулико
сияет сама на себя.

И памяткой паники бывшей,
опилочной пылью сквозя,
с листа пылкий вымысел дышит
и высмеять это нельзя.

На выход тонкой книжки стихов

По речке в тишине мышиной,
прозрачнее крышона,
плывёт брошюра вверх брюшиной,
качает ветками крушина.

И бог выходит из машины.
И смотрит отрешённо.